

Анна Креславская – поэт сильного жеста. Она, словно каменотёс, выбивающий в скалах свои картины бытия, в котором много боли и печали. Её память с детских лет несёт в себе напряжение трудной судьбы, о чём так точно сказала она сама: «и сердце навсегда мне рассекло/ немыслимое первое страданье/ где я в шесть лет прошла сквозь умиранье/ и к жизни возвращалась тяжело». Её стихи тяжеловесны, нагружены образами и метафорами, раскрывающими всю полноту пережитого и переживаемого. Мужество и мастерство помогают Креславской донести до нашего сознания глубину и остроту её мировосприятия и вызывают наше сопереживание.

Д. Ч.

УСТАЛЫЙ СТАЛКЕР

* * *

не могу по-восточному я на земле усидеть с прямой спиной.

пикники и все курсы йоги мимо меня.

не проведать мне множества точек, где вечный мороз и зной.

и зверью я не ровня, хоть наверняка родня.

но штурвал не держа ни разу в руках, расскажу, как поёт внутри

самолета пилот, разбивающий скорость о высоту.

сквозь столетий шумы я как рим ощущаю извечный ритм.

чую рифму что синим цветком раскачивает звезду.

и я верю, что может быть что-то на свете могу и я,

как усталый сталкер наматывая лабиринт дорог.

только пусть невредима будет моя семья. –

и смогу я, любовь моя, даже то, что никто не смог.

ПЕРЕЛЛОМ

1.

я маленькая я лежу в больнице
и над коленкой вставленная спица
сквозь дырочку в просверленном бедре
мне не даёт вздохнуть пошевелиться
от слёз уже не разлепить ресницы
и бледный март слезится на дворе

при каждом вздохе боль взмывает птицей
вгрызается как бешеная львица
и губы я кусаю на одре
прикована что узник беззащитный

животной болью намертво прошиты
остановились мысли и слова
и голова моя легка от бреда
и от озноба я едва жива
мне кажется на поезде я еду
но этот поезд страшен и кровав

2.

снижается кружится потолок
и чёрной тенью страх за мной крадётся
я здесь одна и так сейчас далёк
мой кукольный домашний уголок
примерно как отсюда и до солнца
я выучила на зубок урок
всей этой утлой и непримиримой
больничной безразличной пантомимы
я помню раскалённый детский страх
и одеял казённых серый прах

и до сих пор сама не понимаю
как выжила тогда я всем чужая
но помню всё что испытать пришлось
и как трясли-везли вдоль коридора
из операционной где так споро
меня раздели (помню свою злость
но были так спокойны эти звери)

и открыли преисподней двери
и без наркоза мне сверлили кость

орала я и билась как чумная
а дальше уж не помню и не знаю
дышала ли забыла ли дышать
рука чужая жизнь мою держала
пока другие руки с диким жаром
и дрожью электрической дрожа
сквозь мясо в кость вгоняли мне сверло
и спица шла сквозь ногу тяжело
всё это повторяю без наркоза
и высухали обморочно слёзы
и сердце навсегда мне рассекло
немыслимое первое страданье
где я в шесть лет прошла сквозь умиранье
и к жизни возвращалась тяжело

3.

и привезли и бросили в палату
где тумбочка косила странновато
и пыль плясала в солнечном луче
и там оставили одну меня вообще

нога лежит приподнята на шине
к ней гирька крепится как некий кран к машине
кругом чужое и весь мир чужой
и я одна с распластанной душой
с просверленным кровоточащим телом
и с этой болью болью оголтелой

и март гуляет в мокром серебре
за окнами лунатик и палач он
и я лежу в палате на одре
своих мучений и мечусь и плачу
да как же так да что же это значит
где неничка и мама где семья
где я сама вчерашняя где я
живая и любимая но хватит
есть только боль в кружащейся палате
и страшный поезд мчится на меня

4.

и вот уж морося и семена
сто лет прошло но помню каждый запах
и холодок что мамы нет и папы
и неничка забыла обо мне
что ранкой примороженной к весне
я в страшной обезбоженной стране
в той рыбьим жиром пахнувшей больнице
лежу в отчаянии на спине
и ни вздохнуть мне ни пошевелиться
весь этот ужас в памяти гнездится
и часто возвращается во сне

но как ни тяжело было поначалу
когда бы можно было починить
всей жизни истрепавшуюся нить
я отменять бы страшного не стала
хоть в общем это трудно объяснить

та боль была прививкой к жизни ныне
где расставанье пережить с родными
пришлось навек и дальше надо жить
в сиротстве не свалиться сжиться с горем
не жаться жалкой киской в коридоре
со смертью не брататься и не спорить
не прятаться от истины и лжи

* * *

Больница как бойница толстокожа.
На детский дом немислимо похожа,
Где души безответные в тоске,
Где старику на детском языке
Расскажут, по какой дороге ехать
В надежде облегченья и успеха
На инвалидном креслице своем
Сквозь лифта немигающий проём.

Но всюду ты среди людей один
И больше никому не господин:
Ни сам себе, расстроен и рассеян,

Ни всем своим семейным фарисеям,
Воюющим с невзгодами легко.
Ты тянешь дней казённых молоко
И дуешь на казённый кофе чёрный
Среди таких же тихих, обречённых
На поиски домашнего тепла.
На поиски счастливого исхода.
На чудо не заката, а восхода –
До самого харонова весла
Один, один, как мама родила.

ПОЛЁТ

разве налеталась я на метле
разве наплясалась я на столе
ведьмою наядой простоволосой
а теперь верни говорят метлу
отдыхать старуха пора в углу
и давай без глупостей и вопросов

но густеет роща прожитых лет
а в аллеях мрак и больной рассвет
разрезает линию береговую
и пыльцой сквозь пальцы любовь моя
и в песок холодный небытия
рассыпаются поцелуи

лишь тревог немислимая сова
в солнечном сплетенье да голова
гулкая идущая кругом
если был и смолоду не силён
то теперь и вовсе со всех сторон
окружён гнетущим недугом

что в простынной ищешь ты простоте
собственных состаренных жизнью тел
в обнажённых мыслях да плачах
где бессонно с часу и до шести
собираешь силы и пыл в горсти
чтобы жить иначе

и погудку ловишь своих стихов
и летишь сквозь время без берегов
на метле упрямства и страсти
и воскреснут памяти миражи
пусть надтреснут голос и чуть дрожит
вот же счастье

* * *

прирастаешь к детству сетчаткой глаз
не скажу что счастье лилось за край
там пыхтел наш старенький керогаз
и хоть гас не вспыхнул в сердцах раздрай

потому что ухало тяжело
в воздухе
учения где-то шли
потому и прошлое как сверло
золотое сверло что в тебе болит

от него и светится и поёт
всё души нехитрое существо
потому что это навек твоё
и никто не сможет отнять его

стоит лишь зажмуриться в темноте
или если в зной стрекоза висит
вновь лица касаются ветки те
из апреля нежного и такси

мчит политым городом в синеве
и тебя качает ещё слегка
это после поезда в нём сквозь снег
привозили в детстве издалека

и тряслись мы сутками всё на юг
вот он веет свежестью из окна
и колышет веткой и нету вьюг
и поёт рассветная тишина

и шуршат колёса о мокрый грунт
и уже выходит встречать родня

может здесь конечный мой самый пункт
где они навечно все ждут меня

ВЕРНУТЬ

вышить гладью о гладе и смерти
твердь и хлябь сотворить как господь
отворить звук земной круговерти
и просодией плоть заколоть
полоснуть до прополки сознания
затемнить и штрихом зачеркнуть
память зрение слух осязанье
и строке их вернуть и по грудь
утонуть в обезбоженной почве
и судьбе что не даст продохнуть
незаметно легко ненарочно
провод прожитой жизни свернуть
весь свой путь оголённый и шалый
не сменив ни на шар ни на меч
и как странник стихом запоздалым
и глухих и незрячих облечь
и сжигая мосты своей речи
не расстроить беспечности суть
без надсады без злобы и желчи
воскресить и спасти и вернуть

* * *

Любовь моя в растянутости дней
В колеблющемся мареве событий
Ты чем несчастней тем увы сильнее
Пусть для страданья нет таких укрытий
Которых ты легко бы не снесла
Вся на виду под ветром без защиты
Без паруса мотора и весла
Жива хотя глаза твои закрыты
За совестью исколотым быльём
Плывешь уча отчаянья уроки
И машешь донкихотовым копьём
Но жизни не выносишь одинокой
Без космоса без воздуха без тех

К кому души непрошеной зарница
Сквозь чей-то плач сквозь ядовитый смех
Всё ластится как раненая птица
Стремится ввысь до сбивчивых речей
И в плачущем очищенном покое
В песок уходит в горы мелочей
И тихо осыпается тоскою
Не спрашивай не бойся не ищи
Ответов позволения защиты
Сама себе и памятник и щит
Глаза твои так широко закрыты

* * *

Жизнь траченная суетой мирской
Овита лени мертвенной рекой
Костлявою рукой самокопанья
Но одолей ночные страхи вплавь
И призрак смерти в ясность переплавь
Сознания прощенья прощанья

И обещанья не губить с плеча
Пригубленного млечного луча
Тьмы разбитной не поддаваться чарам
Не ждать спасенья чуда и беды
А доверять течению воды
Под солнцем загоревшейся пожаром
Пусть сумеречна пасмурна пуста
Предстанет жизнь подобием моста
Меж первым днём и вечной синевою
Но знай она подобие листа
Где слова нет но всё найдёт места
И загорится ясностью живую
Огнём неопалимого куста

И не сгорит закатная вода
И деревья восстанет красота
И реки отражаются в протоках
Воздушных между туч и облаков
И мир плывёт вдоль сна без берегов
страданья колыбелью одинокой
А в ней сияют радость и любовь

* * *

в холодный сумрак улочки речной
тыходишь будто расступилась лета
и лёд луны по капельке сквозной
за облаком растает в небе где-то

пускай достанет света и тепла
и хватит сил чтоб речь моя отвесно
струилась с неба голоса волна
меня укроет маревом телесным

и бестелесным
музыка постой
легко над бедной суетой и гамом
пока земной не завершу постой
разлейся звука чистой красотой
не белым шумом встроенным в программу

будь лишь посредником всегда сама собой
между душой истёрзанной и богом
тори между торосами дорогу
пляши и радуйся как летний дождь слепой

* * *

Мы разные и разность велика
Один давно похож на паука
Другой на скорпиона заводного
А третий хоть беспомощно ничей
Несётся бурной речкой и речей
неотразимы звук его и слово

Творец всю эту разность просчитал
И заключил в таинственный
фрактал
В кристалл искристый
в звёзды мгlistой ночи
Но не старайся ближе подходить
Ведь ядовиты всё же могут быть
Творенья совершенные и очень

Опасна их заманчивая суть
Не оцарапай всё же как-нибудь
загадкой ногтя вечной жизни пальца
Качнёт он в небе дальнюю звезду
И пьяницу качает на ходу
И прочих разношерстных постояльцев

Опасна их заманчивая суть
Ты замысла творца не обессудь
Загадкой ногтя на страницах книги
все тайные отчеркнуты слова
Чтоб ты читать приученный едва
Нашёл их сам и стал мирами двигать

* * *

ночь горчит воздушным шоколадом
в летнем вызревающем саду
ночь как дочь с ней никакого сладу
вся увита грусти виноградом
и как снайпер целится в звезду

тишь кишит молитвами грехами
мчится память опрометью сквозь
то чего не вымолвить стихами
тут гомеры развели руками
слов таких у смертных не нашлось

звёздный глаз испуганно мигает
в облаках упрятанных во мгле
может это вызрела нагая
жизнь неповторимая другая
не сравнима с той что на земле

ну а здесь наверное так надо
дерзостью надежды грозовой
перевита будто виноградом
ночь как дочь кровиночка отрада
что убита на передовой

Мне тяжело от спрятанных в душе,
Как за семью печатями, сюжетов,
Зарытых в подсознание миражей,
Мерцающих потусторонним светом...
Сумею вряд ли их живую нить
Распутать до конца земного срока,
Потом в клубочек яви туго свить,
Воображенья спицей подцепить
И вывязать магические строки.

Не знаю, не уверен я, прости,
Удастся ли мне с выдумкой сплести
Воспоминание кружевное лихо,
напрясть для свежей повести холсты
И вышить снов и дней неразбериху
В узоры беззащитной красоты,
где обнялись и листья и цветы
И ягоды рябины с облепихой...

Но навесные я плету мосты
стихов моих над бездной, чтобы тихо
По ним хоть раз сомнамбулой пройти –
Спокойно и без страха высоты...

И вот идешь легко и не спеша.
Безжалостную данность принимая,
Что может быть последним каждый шаг
И стать пунктиром каждая прямая...
Лишь отдалённой рифмы звон в ушах.
Не пряча слёз и детскую улыбку,
виси и радуйся, играй, моя душа,
на нити слова золотой и зыбкой!

Пройди хоть шаг по мостику дрожа.
Творящая, ранимая, живая, –
Быть может в миллиметре от ножа,
Который нить любую обрывает.